

Р. А. Кафтанов

*Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

rk76@ngs.ru

АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ВОЕННОГО (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Рассматривается проблема практического применения данных психолингвистического ассоциативного эксперимента. Предлагается механизм построения ассоциативно-вербальной модели профессиональной идентификации на примере российских военных. Обсуждается возможность использования ассоциативно-вербальной модели в качестве лингвистического и лингводидактического материала.

Ключевые слова: ассоциативно-вербальная модель, ассоциативный эксперимент, ассоциативные словари и базы данных, профессиональная идентификация военного.

Подготовка военных специалистов со знанием иностранного языка – процесс, жестко ограниченный временными рамками. Задача преподавателя состоит в том, чтобы за довольно короткий срок подготовить специалиста, способного вести общую беседу на профессиональные темы с применением иностранного языка (в особенности русского). В процессе обучения необходимо экономить не только время, но и ресурсы памяти обучаемого. Отсюда следует, что языковой материал должен содержать активную лексику (и грамматику), наиболее употребительную именно в рассматриваемой профессиональной сфере. Конечно, сюда должны быть отнесены узкопрофессиональные термины. Однако, вне зависимости от профессии, в речи специалиста преобладает лексика, присутствующая в лексиконе обычных, не связанных с данной профессией, носителей языка, но очень характерная для изучаемой сферы. Например, если мы захотим составить пособие для иностранных курсантов, обучающихся в российских во-

енных вузах, то, кроме специальной лексики (*прицельная планка, ствольная коробка, кумулятивный эффект* и т. п.), туда должны войти и общеупотребительные слова и словосочетания (*враг, стрелять, командир, поиск*), причем логичнее начинать изучение языка именно с такого общеупотребительного языкового материала, приближенного к профессиональному. На отбор и способ подачи этого материала влияет частотность, словоупотребление и смысловое содержание, вкладываемое массовым сознанием носителей языка в то или иное слово.

Сознание человека может быть выведено вовне с помощью языка. При этом о смысловой структуре сознания можно судить, опираясь на ассоциативно-вербальную сеть, полученную с помощью ассоциативного эксперимента и зафиксированную в виде ассоциативного словаря.

Каждую статью такого словаря можно охарактеризовать как языковую модель ассоциативного (смыслового) поля для определенного слова, предьявлявшегося носите-

лям языка в эксперименте в качестве стимула. Ассоциативное поле очерчивает знания и смыслы, которые общество в конкретное время связывает с этим словом.

«Ассоциативный словарь – это еще не речь, но он являет язык в его предречевой готовности, обнажая сокровенный, скрытый от прямого наблюдения способ “держания” языка в памяти его носителя, приоткрывая таинственную завесу над святой святых, над тем, как устроена языковая способность человека, человека говорящего и понимающего» [Караулов, 1994. С. 191].

В конце прошлого века был реализован один из крупнейших для изучения русского языкового сознания и языка проектов – Русский ассоциативный словарь (РАС), составленный Ю. Н. Карауловым, Ю. А. Сорокиным, Е. Ф. Тарасовым, Н. В. Уфимцевой, Г. А. Черкасовой.

Составление ассоциативного словаря требует огромных совместных усилий группы ученых (о чем свидетельствуют перечни авторов подобных словарей) и значительных временных затрат. Однако мало составить такой словарь. Нужно еще воспользоваться этим огромным количеством стимулов и реакций, чтобы заставить их служить прикладным задачам. И это тоже трудоемкая работа, алгоритм которой зависит от поставленных целей.

Возникает вопрос: как эффективно использовать данные ассоциативного словаря для отбора языкового материала в целях подготовки специалиста (не лингвиста) со знанием иностранного (в том числе и русского как иностранного) языка?

В данной работе сделана попытка наметить пути решения этой задачи на примере военно-профессиональной сферы. В настоящее время наблюдается повышенный интерес к российским военным, как со стороны потенциальных союзников России, так и ее противников. В военных учебных заведениях нашей страны обучаются не только россияне, но и граждане иностранных государств (как из ближнего, так и дальнего зарубежья). В связи с этим возникает необходимость обучить уже взрослых людей иностранному для них русскому языку в кратчайшие сроки. С другой стороны, в связи с непростой политической обстановкой вокруг России, ростом угрозы конфликтов с привлечением иностранных наемников, языковая подготовка российских военных

становится все более насущной проблемой. В обоих случаях среди прочего приходится решать вопрос, во-первых, о количестве и содержании языкового материала для преподавания иностранного (в том числе и русского) языка, во-вторых, о правильном употреблении этого материала в составе предложения или фразы.

Ассоциативный словарь может оказать существенную помощь в решении этих вопросов. В Русском ассоциативном словаре встречается довольно много слов-стимулов, которые могут использоваться как военными, так и в отношении военных, т. е. для вербального способа профессиональной идентификации военных.

Высокочастотные слова-реакции вместе со словами-стимулами и образуют наиболее употребительные в массовом сознании вербальные ассоциации (соотносимые с психологически актуальными смыслами). Их выявление в эксперименте – одна из основных задач ассоциативного словаря по замыслу Ю. Н. Караулова, поскольку «речь устроена так, что говорит человек не отдельными словами, а фразами, любое слово требует “продолжения”, ищет свою пару, хочет превратиться в “модель двух слов”. И такие возможные “продолжения”, такие модели двух слов – типичные, легко воспроизводимые, правдоподобные и понятные носителю языка – как раз и фиксируются в ассоциативном словаре» [Караулов, 1994. С. 191].

Перечень реакций на определенный стимул отражает многозначность этого стимула. «Семантическое варьирование стимула легче всего определимо, поскольку все множество реакций вокруг него довольно последовательно и однозначно распределяется по группам, которые соответствуют характеристикам разных его значений» [Караулов, 2010. С. 179–180].

Например, если мы возьмем слово *автомат*, то в Русском ассоциативном словаре увидим следующий перечень реакций на него:

Калашникова **29**; пулемет **5**; пистолет **4**; война, газ, вода **3**; зарядить, игральный, игровой, игрушка, оружие, сломался **2**; АК-74, АКМ, АКСУ-74, аппарат, баба, бесперебойный, в руках, включать, власть, военный, газировальный, газировка, деньги (медные), держать, долой, дуло, зажим для волос, заколка, заряженный, зачет, комфорт, ломать, на ремень, не работает, нести, пиво-воды, по

литведению, по литературе, по продаже спичек, пушка, равнодушие, регуляции, робот, ружье, ручной, сапоги, слить, смерть, стреляет, стрелять, телефон, телефонный, холод, цветок, чистка **1** (105, 57, 45, 4) [РАС, 1998].

Испытуемые предлагали свои реакции в зависимости от того, какой автомат они имели в виду: оружие, игровой автомат, автомат как торговое оборудование, телефон-автомат, производственное оборудование, слово из студенческого жаргона. Поскольку нас интересует военно-профессиональная сфера, выберем из этого списка только те реакции, которые даны испытуемыми на образ автомата в значении «оружие». В результате статья сокращается и приобретает следующий вид:

Калашникова **29**; пулемет **5**; пистолет **4**; война **3**; зарядить, оружие **2**; АК-74, АКМ, АКСУ-74, в руках, власть, военный, держать, долой, дуло, заряженный, на ремень, пушка, ружье, ручной, сапоги, смерть, стреляет, стрелять, чистка **1**.

Если с тем же запросом мы обратимся к Русской региональной ассоциативной базе данных по Сибири и Дальнему Востоку (СИБАС)¹, то увидим там похожий список реакций:

Калашникова **124**; оружие **54**; Калашников **40**; АК-47 **23**; война **16**; армия; машина **11**; зачет; пистолет **10**; экзамен **9**; стрелять **6**; АК; выстрел; игровой; Калаш; коробка; кофе; пуля; убийство **5**; АКМ; ружье; стрельба; телефон **4**; деньги; игра; кофейный; машинка; очередь; пулемет; черный **3**; автомат; АК-74; заряжен; по предмету; пушка; робот; сдачи не выдает **2**; 44 секунды; агт; protect; автоматический; автомобиль; бабах; банкомат; бежать; безотказный; бензин; большой; быстрый; ваниль; винчестер; военный; война, военкомат; в руки; газировка; где; горе; граната; джекпот; друг; дуло; духи; железо; жетон; затвор; зачем; защита; зло; игральный; играть; Калашникова-47; Калашникова АК-47; Калашников, пули; кнопки; кока-кола; конечный; конфеты; лентяй; Максим; Маркс; масло; машины; мой; муж; мультикасса; на экзамене; не заряжен; не оружие; неучастие; образец; огонь; опасно; опасное оружие; осторож-

ность; отлично; патроны; платежка; повезло; порошок; по термеху; по экзамену; проиграть все деньги; Ред Булл; разбирать; с водой; сессия; ситро; с колой; скорость; с кофе; сломан; смерть; современный; стиральная машина; стирать; страх; стрелковый; стреляет; стрелять!; счастье для студента; террориста; тир; Томсона; трагедия; убивать; угроза; удача; удобный; уничтожать; халява; холод; хороший; цевьё; чело-век **1** (504, 134, 2, 97). [СИБАС, 2015].

Все эти реакции можно разбить на три группы:

1) реакции, в которых явно прослеживается предметный образ автомата-оружия (Калашникова, оружие, Калашников, АК-47, война и др.);

2) реакции, которые могли бы быть отнесены к автомату-оружию, хотя точный смысл, вкладываемый в них испытуемыми, ситуативно зависим (*где, горе, зло, современный, удача, удобный* и др.);

3) реакции, в которых явно имеются в виду другие виды автоматов, не подпадающие под категорию «оружие» (*зачет, кофе, джекпот* и др.).

После изъятия всех реакций третьей группы список приобретет следующий вид:

Калашникова **124**; оружие **54**; Калашников **40**; АК-47 **23**; война **16**; армия **11**; пистолет **10**; стрелять **6**; АК; выстрел; Калаш; пуля; убийство **5**; АКМ; ружье; стрельба **4**; очередь; пулемет; черный **3**; автомат; АК-74; заряжен; пушка **2**; агт; протест; автоматический; бабах; бежать; безотказный; быстрый; винчестер; военный; война, военкомат; в руки; где; горе; граната; друг; дуло; железо; затвор; зачем; защита; зло; Калашникова-47; Калашникова АК-47; Калашников, пули; мой; не заряжен; не оружие; огонь; опасно; опасное оружие; осторожность; патроны; разбирать; скорость; сломан; смерть; современный; страх; стрелковый; стреляет; стрелять!; террориста; тир; Томсона; трагедия; убивать; угроза; удача; удобный; уничтожать; хороший; цевьё **1**.

Все «военные» стимулы, обнаруженные в Русском ассоциативном словаре и СИБАС, вместе с их реакциями (тоже, прежде всего, «военными») образуют единую ассоциативно-вербальную сеть, которую можно рассматривать как базовую составляющую модели языкового сознания военных (своего рода сеть внутри гиперсети). Конечно, в ассоциативном эксперименте участвовали лю-

¹ СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2015) / Авт.-сост. И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru>

ди разных профессий. Авторы ассоциативного словаря ставили своей целью зафиксировать усредненное языковое сознание русских вне зависимости от профессиональной принадлежности (специфика которой тоже, впрочем, представлена в некоторой степени в ассоциативных базах данных). Можем ли мы в таком случае заявлять о полученной сети как о модели языкового сознания именно военных? Если мы внимательно посмотрим на приведенный выше список «военных» реакций к слову *автомат*, то увидим, что они либо свойственны усредненному сознанию (а значит, и военным тоже), либо явно указывают на причастность (актуальную или бывшую) испытуемого к военной деятельности. В самом деле, реакции *АК-74, АКМ, АКСУ-74, на ремень, чистка, цевьё* вряд ли могут возникнуть у людей, никогда не имевших отношение к воинской службе. Таким образом, опираясь на данные РАС и других ассоциативных баз данных, можно построить вполне адекватную ассоциативно-вербальную модель языкового сознания военных, хотя в отдельных случаях, возможно, придется прибегнуть к дополнительным экспериментам исключительно с военнослужащими.

Поскольку понятие «языковое сознание», как часть сознания индивида, которая может быть выведена вовне с помощью языковых знаков, довольно широко и расплывчато, как признают и сами психоллингвисты, для практических целей лингводидактического характера целесообразно говорить не о языковом сознании военного, а об ассоциативно-вербальной модели профессиональной идентификации военного.

Под идентификацией здесь следует понимать один из механизмов, с помощью которого личность усваивает определенные ценности той группы, к которой она себя причисляет. Идентификация – это процесс определения себя через членство в социальной группе. В данном случае человек идентифицирует себя с военной профессиональной сферой, и этот процесс может объективироваться и исследоваться с помощью ассоциативно-вербальной модели.

Мы исходим из предположения о том, что, опираясь на модели такого рода, можно решать задачи не только лингводидактического характера. Она может оказаться полезной военным психологам и всем, кто по роду своей деятельности интересуется мен-

талитетом военных, их моральным состоянием. Дело в том, что идентификация – это процесс, результатом которого должна стать идентичность. Следовательно, идентификация может стать ключом к пониманию идентичности.

«Идентичность включает в себя различные аспекты, а идентификация – описание таких аспектов. Идентичность – результат, ставшее, отстаивание и защита себя, идентификация – приспособление, процесс постоянного выбора, принятие норм, традиций, установок. Потому на каждом уровне описания процесс идентификации предшествует осмыслению идентичности» [Заковоротная, 1999. С. 111]. Идентичность характеризует человека с точки зрения его принадлежности к той или иной группе, с точки зрения того, как сам человек себя категоризирует.

По мнению Э. Эриксона, «понятие идентичности обозначает твердо усвоенный и лично принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильного владения личностью собственным “я” независимо от изменений “я” и ситуации; способность личности к полноценному решению задач, возникающих перед ней на каждом этапе ее развития» [1996. С. 12].

«Идентификация, как правило, предполагает именно сознательное отождествление индивидом себя с той или иной группой, в то время как идентичность включает всю совокупность факторов (в том числе и подсознательных), опосредствующих активность личности, направленную на вхождение в ту или иную группу и поддержание своего членства в ней» [Кондратьев, Ильин, 2007. С. 153].

Мы также исходим из предположения о том, что полученную ассоциативно-вербальную модель можно будет сравнить с подобными моделями для других профессиональных групп и языков, чтобы, при надлежащей интерпретации, увидеть проблемные поля в коммуникации между группами, этносами, а также между различными представителями одной группы (см. рисунок).

С определенной долей допущений ассоциативно-вербальную модель можно представить в качестве проекции сознания, которое, в свою очередь состоит из трех слоев: бытийного, рефлексивного и духовного (по

В. П. Зинченко). Выявленные психолингвистами слои сознания «выражают отношения, диалогически складывающиеся в пространстве *Между*. Между Я – Ты (или Я – Другой), между Я – Мир и между значениями и смыслами... Бытийный (экзистенциальный) слой сознания образуют биодинамическая ткань живого движения и действия и чувственная ткань образа. Рефлексивный слой образуют значения и смыслы. Наконец, духовный слой образуется в совокупной жизнедеятельности и в совокупном протообщении Я – Ты (другой)» [Зинченко, 2010. С. 111].

Соответственно, ассоциативно-вербальная модель профессиональной идентификации тоже может быть представлена в виде многослойной структуры. Конечно, четко разбить слова по слоям сознания не получится и вряд ли целесообразно, потому что, во-первых, границы между слоями не всегда четко прослеживаются, во-вторых, одно и то же слово можно отнести к разным слоям, в зависимости от вкладываемого в него смысла. Тем не менее какая-то приблизительная разбивка с учетом особенностей категоризации профессиональной сферы нашим сознанием необходима. С одной стороны, иерархическое распределение материала облегчает работу с ним, с другой стороны, структурированная определенным образом ассоциативно-вербальная модель позволит лучше понять образы и смыслы, которые стоят за искомыми лексическими единицами в сознании носителя языка.

Мы исходим из гипотезы о том, что структура ассоциативно-вербальной модели профессиональной идентификации военного может включать следующие слои, отражающие деятельность военного специалиста.

В *первый* слой помещаются слова, обозначающие конкретные физические объек-

ты, с которыми связана деятельность военного: вооружение (*автомат, танк, атомная бомба, бомба, вертолет, орудие, патрон, пистолет*), оснащение и обмундирование (*берет, бинокль, парашют, пулемет, пуля, пушка, танк*), атрибуты (*знамя, пароль, погоны*), объекты и структуры, связанные с деятельностью военного (*полк, штаб, военный институт, взвод, войска, вышка, десант, казарма, отделение, пост, тыл, фланг*), субъекты военной деятельности (*капитан, командир, курсант, лейтенант, майор, разведчик, солдат, танкист*).

Эти слова в большей степени соответствуют бытийному слою сознания. Бытийный слой – это уровень «фактического, практического применения» [Попова, Стернин, 2001. С. 100]. Это мир производственной и предметно-практической деятельности (биодинамическая ткань движений) и мир представлений, воображений, культурных символов и знаков (чувственная ткань). К бытийному слою относятся: сенсорные образы, биодинамические характеристики движений, опыт действий и навыков. Бытийный слой сознания служит для решения комплексных задач поведения и деятельности человека, когда для максимальной эффективности поведенческой реакции необходимо актуализировать нужный именно в данный момент сенсорный образ и нужную двигательную программу.

Если с бытийным сознанием соотносятся и мир предметной и производственной деятельности, и мир представлений, воображений, и культурных символов и знаков, то мир абстрактных образов, идей, понятий, житейских и научных знаний (значение), а также мир переживаний и эмоций (смысл) относится к рефлексивному слою сознания. «Рефлексивный уровень – это уровень теоретического знания» [Там же. С. 100]. Значение – это подключенность сознания инди-

вида к общественному сознанию и культуре, т. е. объективное содержание общественного сознания, усваиваемое индивидом. Смысл – это субъективная интерпретация человеком объективных значений, это укорененность индивидуального сознания в бытии человека. Смыслы связаны с процессом понимания людьми друг друга и процессом усвоения новой информации. Различие в интерпретации значений (извлечение разных смыслов) приводит к взаимному непониманию между людьми.

Во *второй* *слои* ассоциативно-вербальной модели следует включить слова, передающие рефлексивное ощущение того, какими являются и должны быть субъекты и объекты военной деятельности. Качества субъекта деятельности – это среди прочего качества, которые описывают личность военного, его нравственные идеалы и идеалы, которым он призван соответствовать согласно требованиям системы: *бодрый, боевой, боец, вооружен, героический, защитник, ответственный, патриот, патриотизм, преданность, смелость, храбрый*.

Качества объекта деятельности – это качества, характеризующие образы из первого слоя: *боевой, кирзовый, огнестрельное, орудийный, полевой, смертельный, ударный*.

В *третьей* *слои* включаются лексические единицы, описывающие действия и состояния, наиболее типичные для военных (*стрелять, копать, паника, в мишень, взорваться, вольно, выбить, выгнать, вызвать, выстрелить, нанести, напали, наступать, строиться*).

В *четвертый* *слои* ассоциативно-вербальной модели входят лексические единицы, описывающие события, в которые обычно включены военные (*война, конфликт, вражда, защита, марш, наблюдение, оборона, победа, подвиг, подготовка, поражение, потеря, разведка, смерть, стрельба, уборка, увольнение, угроза, Урал, ЧП*).

К *пятому* *слою*, вероятно, следует отнести лексические единицы, описывающие стереотипы поведения между сослуживцами, установки по отношению к врагу, гражданскому населению, начальству, подчиненным, государству (*государство, держава, за родину, завоевание, отечество, отчизна, предатель, предательство, противник*). Эти единицы можно соотнести с духовным слоем сознания. «Духовный слой сознания об-

разуют взаимодействующие: Я – Другой» [Зинченко, 2010. С. 111].

Построенная на этом категориальном каркасе ассоциативно-вербальная модель позволит исследователю увидеть и связать образы, которые вызывает каждое слово и вся группа слов в сознании носителя языка. В ассоциативно-вербальной модели можно выделить наиболее частотный костяк лексических и лексико-грамматических единиц, на основе которого отбирать языковой материал для обучения иностранцев русскому профессиональному языку. Например, иностранных курсантов, обучающихся в российских военных учебных заведениях.

Этот эксперимент можно развить дальше, а именно получить подобную модель для иностранного языка и сравнить ее с русской. Такое сравнение позволит выявить смысловые доминанты в исследуемых профессиональных сферах, характерные для обоих языков, и определить проблемные поля для межкультурной коммуникации в профессиональной сфере.

Предложенный в статье алгоритм получения ассоциативно-вербальной модели профессиональной идентификации русского военного предстоит апробировать на имеющихся и создаваемых русских ассоциативных базах данных, таких как Русский ассоциативный словарь, Русская региональная ассоциативная база данных (Сибирь и Дальний Восток). В дальнейшем его можно будет применить для получения ассоциативно-вербальных моделей профессиональной (и не только профессиональной) идентификации других социальных групп носителей языка, а также для разработки приемов разметки ассоциативных баз данных. Подробнее о разметке ассоциативных баз данных в прикладных целях см. [Шапошникова, 2014].

Список литературы

Заковоротная М. В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов н/Д: Изд-во Сев.-Кавказ. науч. центра высш. шк., 1999. 200 с.

Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.

Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способ-

ности // Русский ассоциативный словарь. М., 1994. Кн. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. 1. 193 с.

Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. 2-е. изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 328 с.

Кондратьев М. Ю., Ильин В. А. Азбука социального психолога-практика. М.: ПЕР СЭ, 2007. 464 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. 192 с.

РАС – Русский ассоциативный словарь. М.: ИРЯ РАН, 1998. Кн. 5. Прямой словарь:

от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. 3204 с.

Шапошникова И. В. К вопросу об инструментари для сближения лингвистического образования с практикой жизни (на материале СИБАС – русской региональной ассоциативной базы данных) // Вопросы психолингвистики. М.: ИЯ РАН; МИЛ, 2014. № 2 (20). С. 28–41. URL:<http://iling-ran.ru/library/voprosy/20.pdf>

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

Материал поступил в редколлегию 12.02.2015

R. A. Kaftanov

ASSOCIATIVE-VERBAL MODEL OF PROFESSIONAL IDENTIFICATION OF THE RUSSIAN MILITARY

The article deals with some issues regarding the application of data obtained via psycholinguistic associative experiments for practical purposes. The hypothetical structure of an associative-verbal model which is supposed to represent the professional identification of the Russian military is discussed as well as the use of the associative-verbal model as a source of linguistic information and linguo-didactic material.

Keywords: associative-verbal model, associative experiment, Russian associative thesaurus and data bases, professional identity of the military personnel.